

Памяти великого русского писателя
Валентина Распутина

Гуань Линьли

Гуандунский второй педагогический университет
Гуандун, Китай
glinli@yandex.ru

ТРАГИЧЕСКОЕ В ПОВЕСТИ В. РАСПУТИНА «ЖИВИ И ПОМНИ»

Аннотация: Статья посвящена анализу трагического в повести В. Распутина «Живи и помни». В начале статьи кратко прослеживается восприятие творчества В. Распутина в Китае. Переходя к рассмотрению повести «Живи и помни», автор статьи акцентирует внимание на внутреннем состоянии её главных героев – Андрея Гуськова и Настены. Рассматривается трагическая ситуация, в которой они находились. В заключение автор делает вывод, что В. Распутиным раскрыты новые грани трагических ситуаций, характерных для XX века: изображен новый тип персонажа, непривычный для советской литературы, реализуется подход, который также можно назвать экзистенциальным. В экстремальной ситуации ярко проявляется различие характеров главных персонажей, но из них только Настена является трагической героиней.

Ключевые слова: В. Распутин, трагическое, экзистенциализм, психологизм.

Вечером 15 марта 2015 года, когда у меня в руках была книга о В. Распутине, я услышала известие о его смерти. Чувство скорби объяло меня. Выдающийся писатель ушёл от нас. С его уходом мир лишился одного из самых ярких литераторов, великого мастера литературы. Это общая утрата.

Распутин широко известен в Китае. Его творчество привлекло внимание многих китайских исследователей и было рассмотрено в различных аспектах. Повесть «Живи и помни» включена в хрестоматию для студентов китайских вузов, изучающих русский язык и литературу. В 2003 году повесть Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» признана в Китае одним из лучших произведений иностранных авторов. В 2006 году Распутин посетил Китай как член делегации российских писателей. В 2012 году в Российском культурном центре в Пекине прошел научно-методический семинар «Творчество В. Г. Распутина в контексте современных социальных и духовных проблем», посвященный 75-летию

юбилею писателя. Исследование «Творчество Распутина» стало особым проектом, одобренным и финансово поддержанным Государственным фондом общественных наук [Чжан Цзянхуа 2012: 547].

Хэйлунцзянский писатель Чжи Цзыцзянь, трижды лауреат премии Лу Синя, премии Мао Дуня, заместитель председателя Союза писателей провинции Хэйлунцзянь, автор известного романа «Правый берег Иртыша», а также «Все вечера на планете», в интервью корреспонденту газеты «Книги в Китае» сказал: «Я очень люблю русских писателей, которые привлекают к себе общей необычной закваской, т.е. духом непримирения с действительностью. Даже после распада Советского Союза есть такие писатели, как Распутин. Они сохраняют художественность, не желают приспособливаться, являются стержнем русской литературы, совестью России. Я, собственно, предпочитаю читать русскую классику, не хочу зря тратить время на модные на всей планете бестселлеры. Литература есть искусство, есть душа, а русская литература /.../ обращает особое внимание на душу человека. Из русских писателей мало кто в своем творчестве склоняет головы перед властью» [Чжи Цзыцзянь 2010: 11].

В 1977 году Распутин стал лауреатом Государственной премии СССР и был признан «одной из центральных фигур литературного процесса второй половины XX в.» [Каминский 2013: 5]. По словам С. П. Залыгина, он «вошел в нашу литературу сразу же, почти без разбега и как истинный мастер художественного слова, а повторять, что произведения его значительны, что минувя их, сегодня уже нельзя серьезно рассуждать о нынешней русской и всей советской прозе, нет, очевидно, никакой необходимости» [Залыгин 1991: 446].

Повесть «Живи и помни» представляет собой весьма сложный, неоднозначный текст, в котором раскрываются новые грани трагических ситуаций, характерных для XX века: изображен новый тип персонажа, непривычный тогда для советской литературы, реализуется тот подход, который можно назвать экзистенциальным. Оценка ситуации, обусловившей идейно-эмоциональную (модальную) направленность содержания данного текста, заставляет вспомнить о том, что Великая Отечественная война породила неисчислимое количество трагических судеб, привела к гибели миллионов людей, которые умирали от пуль и снарядов на поле боя, от голода и холода во время блокады и оккупации их родных мест, в многочисленных лагерях смерти

на территории Европы. Этот период истории стал одним из тех исключительных испытаний, которые потрясают все уровни народного бытия, глубоко залегают в судьбах и психике не одного поколения и оставляют след навсегда.

В анкете, предложенной журналом «Москва» и посвященной 30-летию Победы в Великой Отечественной войне, В. П. Астафьев дал повести «Живи и помни» Распутина высокую оценку, назвав ее одним из лучших произведений о минувшей войне и отметив ее потрясающую, глубокую трагичность: «Печальная и яростная, несколько “вкрадчивая” тихой своей тональностью, как, впрочем, и все другие повести В. Распутина, и от того еще более потрясающая глубокой трагичностью, – живи и помни, человек, в беде, в самые тяжкие дни и испытания – место твое с твоим народом, всякое отступничество, вызванное слабостью ли твоей, неразумением ли, оборачивается еще большим горем для твоей Родины и народа, а стало быть, и для тебя» [Астафьев 1978: 7].

Повесть вызвала бурные дискуссии и среди литературных критиков, и в широкой читательской аудитории, поскольку одним из главных ее героев был дезертир. Περιπετιи и сложности жизни Андрея Гуськова, конечно, представляют интерес. Но гораздо важнее как для самого автора, так и для читателя внутренний мир героя, состояние его души и то, как они проявляются в мыслях и поступках Гуськова.

Доминирующим чувством, мотивирующим его поступки, является обида, которая овладела им с самых первых дней войны. Он считал себя несчастным оттого, что ему надо идти в армию. Пробыв три года на фронте, Андрей ни разу не подумал о товарищах по оружию. Он поглощен мыслями о том, как выжить. Однако он также обижен на деревню, на людей, даже на Ангару, которая течет «спокойно и безразлично к нему, равнодушно не замечая его» [Распутин 1978: 131]. Автор постоянно подчеркивает обиды Андрея, а читатель понимает, что с нравственностью у героя не все в порядке.

Эта обида и страх уличения порождают желание Андрея перехитрить войну. Ему в голову пришла такая идея: раз он не в силах остановить войну, тогда нужно выгадать время. Он решил себя ранить, при этом не тяжело, а ровно настолько, чтобы его или вовсе отпустили домой, или хотя бы дали отпуск. Но его снова отправляют на фронт. Обида на обстоятельства, на врачей, на всё и всех овладела им. Это сыграло решающую роль в его судьбе, поскольку мысль о собственном спасении заглушила чувство дол-

га, ответственности и товарищества: он решил выжить, когда его товарищи еще воюют. Тем самым он отделился от мира людей. Его роковой выбор загнал его в тупик.

Экстремальные обстоятельства, в которых находится герой, постепенно превращают его в «чудовище». Занимаясь воровством (забирая рыбу из чужих снастей), он теряет способность различать «работу» и «пакость», о которой «еще совсем недавно он и подумать не смел» [Распутин 1978: 163]. Одно преступление тянет за собой другое. Воровство даже доставляет ему некоторое удовольствие. Антиприродность и нечеловечность природы героя подчеркивается жестоким убийством теленка, которого он поймал и, в ярости, привязав к осине, на глазах у измученной коровы «ударил его обухом топора по подставленному лбу, и голова, чуть хмыкнув, повалилась и повисла на ремне» [Распутин 1978: 251].

Тайком вернувшийся домой, Андрей Гуськов вынужден прятаться, скрываться, вовлекать в неестественный способ существования своих родных, в первую очередь жену Настену. При этом ясно, что в общении с женой им движет не любовь, не жажда семейного счастья, а лишь желание спастись. От жены Гуськов требует беспрекословного подчинения и обрекает ее на страдания. Сейчас для него все враги, даже жена. Он воспринимает ее как добытчика, помощника, спасителя. Услышав слова Настены, пытающейся уговорить его выйти и повиниться, он то угрожает самоубийством, то упрекает ее в том, что она якобы хочет его смерти. Такой Гуськов уже не может вызвать никаких иных чувств, кроме ненависти, презрения и отвращения. По словам А. Овчаренко, «в Андрее уже не осталось ничего от человека» [Овчаренко 1977: 400].

Во всем этом сказывается предельный эгоизм героя. У него отсутствует чувство ответственности перед собой и людьми. Граница между нравственным и безнравственным становится для него смутной и неопределенной. Гуськов постоянно оправдывает себя, ищет оправдание своему дезертирству. Он хочет переложить вину на «рок», перед которым бессильна «воля», и тем самым освобождает себя от нравственной ответственности за свои поступки, за свое преступление.

Известие о ребенке, которого носила его жена, не стало для него источником счастья и радости, а послужило оправданием своего предательства, желания остаться живым. У него не возникло мысли о том, что жене нужны забота и внимание, поскольку

Настене придется страдать из-за сплетен по поводу ее беременности, так как в деревне все знают, что «Андрея она уже четыре года в глаза не видела» [Распутин 1978: 181]. Но он считает, что все это к нему не относится, судьба жены его не волнует, а, наоборот, он «теперь чувствовал себя гораздо уверенней, словно получил вдруг какие-то особые права на свое присутствие здесь» [Распутин 1978: 181]. Он изначально думал о себе и только о себе.

По поводу дезертирства Андрея в литературе высказывались разные суждения. Одни критики считали, что дезертирство Андрея Гуськова было неожиданным, во всяком случае – не запланированным; другие подчеркивали силу обстоятельств, толкнувших Гуськова на ложный путь; третьи видели причину бед в личных качествах Гуськова – в отсутствии воли и нравственного чувства. Как бы отвечая на эти споры, Распутин свидетельствовал: «Андрей – это сложный, неоднозначный образ. Я вообще не понимаю некоего арифметического разделения людей на положительных и отрицательных. Моя Настена, какой я ее видел, не могла бы полюбить такого человека, характер которого можно было бы обрисовать одними черными красками» [Распутин 1977а: 6].

Настоящим трагическим героем является жена Гуськова – Настена. Сам автор это не раз подчеркивал: «Я писал не только и меньше всего о дезертире, о котором не унимаясь тадычат почему-то все, а о женщине...» [Распутин 1977а: 6]. Действительно, в воображении писателя «прежде всего возник чистый и прекрасный женский характер, поставленный в неразрешимое, истинно трагическое положение» [Семенова 1987: 80]. У образа Настены не было реального прототипа. Это представление о русской женщине как о последовательной хранительнице народной нравственности.

Настена верила, что есть что-то, что зависит от бабы. Художественным доказательством служит «обоюдный сон» супругов Гуськовых. У Настены не было выбора: ее нравственность не позволила ей отказаться от мужа. Руководствуясь чувством благодарности, чувством любви-заботы, любви-самопожертвования и чувством невольной вины, она считает себя причастной к судьбе мужа, добровольно берет на себя часть его тяжелого груза, разделяет вину мужа, помогает ему укрыться и выживать. Но в этом одновременно заключается обман родных и всех окружающих, из-за чего ей пришлось пойти против своей природы – лукавить, врать и даже воровать, боясь каждого случайного взгляда и слова родителей Андрея и односельчан. Более того, она идет на риск

быть униженной, а может быть, и наказанной. Она знает, что сейчас жизнь мужа зависит от нее и физически, и духовно. Она добровольно принимает на себя эту ответственность. Узнав о победе, она боялась того, что Андрей может не выдержать и что-нибудь с собой сотворить.

У неё к Андрею возникают явно противоречивые чувства. С одной стороны, при сложном отношении к мужу Настена часто склонялась к жалости и даже сочувствию. В этом был как бы ее личный семейный долг. Но, с другой стороны, в своем мучительном состоянии раздвоенности и горя, она оказалась отделенной от людей, отгороженной от них своей тайной. Долгожданный день победы не приносит радости Настене, наоборот – становится источником страдания, так как ей кажется, что «она к победе никакого отношения не имеет» [Распутин 1978: 252]. Раньше, чтобы успокоиться, она держалась людей, а теперь без них ей стало легче.

Беда заключается в том, что Настена не может сказать правду – правду о том, что ее муж в лесу, что она именно от него ждет ребенка, а кроме того, у нее нет никакой надежды на сочувствие ни свекрови, ни соседей. Окружающие, видя ее беременной, осуждающими, любопытствующими, подозрительными взглядами смотрят на Настену. Ни один человек ее не подбодрил, в том числе Лиза Вологжина, которую Настена считала своей подружкой.

У Настены остался один смертельный страх: что будет с ее ребенком? Что бы ни решил Андрей, все равно на ее ребенка падет дурная слава, от которой она больше всего хотела бы его уберечь. Испытывая чувство стыда перед людьми, Андреем и даже собой, Настена не может и не хочет перенести «вину» на своего ребёнка и приходит к мысли о том, что ему лучше было бы вообще не появляться на свет. Молодой женщине больше ничего не хотелось, она ни на что не надеялась, ее душа наполнилась неподъемной тяжестью.

Раньше Настена считала, что «человек должен умирать непременно на земле, когда под ногами привычная твердь» [Распутин 1978: 268]. Однако ей пришлось уходить из этого мучительного мира в воды Ангары. По словам исследователя Т. Нефагиной, «трагическая невозможность нарушить как общественный, так и семейный долг, характерная для русской женщины, приводит Настену к единственно возможному выбору смерти как свободы» [Нефагина 2012: 164]. Смерть для Настены оказывается единственным выходом из тупика, способом освобождения от груза

неправды, отчаяния, отъединенности от общественной судьбы, способом обретения свободы.

Критики по-разному оценивали гибель Настены. Было, в частности, мнение о ее гибели как о наказании Андрею, как о «каре» предателю, как о высшем суде «над дезертирством и над самой собой, над своей бабьей, женской слабостью и жалостью, над своей любовью к недостойному человеку» [Кузнецов 1987: 138]. Однако нельзя не согласиться с высказыванием В. Е. Хализева: гибель Настены сопряжена «с фатальной незащищенностью людей от идущих извне недобрых к ним стихий» [Хализев 2009: 117]. В этом смысле гибель Настены и является истинной трагедией, что отнюдь не противоречит идее нравственности. Суть и источник трагического в данном случае заключается в том, что в душе Настены сталкиваются очень важные для нее ценностные ориентиры. Они приходят в неразрешимое столкновение, их совместить невозможно. С одной стороны, у Настены есть «ее деревня, малая община, за которой стоит большая Родина, мир людей, их ценности, понятия добра и зла, которые она разделяет естественно, органично, всем своим существом»; с другой стороны, рядом с нею «её муж, с которым она, по тем же укорененным в ней народным представлениям, составляет нераздельную физическую и нравственную единицу» [Семенова 1987: 91]. Настена хотела бы сделать выбор, но он невозможен. Даже Андрей понимает это, говоря: «Раньше у тебя была только одна сторона: люди. А сейчас две: люди и я. Свести их нельзя: надо, чтоб Ангара пересохла» [Распутин 1978: 193]. С. Семенова оценивает трагическую ситуацию следующим образом: «С трагедиями подобного типа, когда две равномошные для героя ценностные связи приходят в неразрешимое столкновение, мы нередко встречаемся в искусстве; это, по существу, классическая трагедийная ситуация, разработанная ещё начиная с античности» [Семенова 1987: 94].

Итак, для Распутина в повести «Живи и помни» самый главный образ – Настена. Как известно, в финале произведения есть сюжетный поворот, о котором писатель говорит следующее: «Для меня важно суметь сделать особый поворот в сюжете. Писатель должен искать какие-то неожиданности в поведении своих героев. Плохо, когда читатель представляет, как поступит герой в следующую минуту. И порой приходится идти на обман читателя. Вместо очевидного – повернуть в другую сторону, пустить его в обход, а потом доказать, что это было необходимо, естественно» [Распутин 1977б: 14].

Таким особым поворотом сюжета в повести «Живи и помни» является осознанная добровольная смерть Настены. Распутин говорит: «Я надеялся, что как раз у меня покончит с собой Андрей Гуськов, муж Настены. Но чем дальше продолжалось действие, чем больше жила у меня Настена, чем больше страдала от того положения, в какое попала, тем больше я чувствовал, что она выходит из того плана, который я для нее составил заранее, что она не подчиняется уже автору, что она начинает жить самостоятельной жизнью» [Панкеев 1990: 82]. Распутин настаивал: «Мне кажется, что я сумел доказать естественность поступков Настены. Если бы Гуськов сам пошел и признался в содеянном, была бы одна расплата, то, что он губит ближних своих, – расплата другая и, на мой взгляд, гораздо более суровая» [Распутин 1977б: 14]. Гибель Настены и нерожденного долгожданного ребенка усиливает чувство трагического.

В результате трагедия Настены и родителей Андрея породила справедливую мысль, что это трагедия народа в критических обстоятельствах. Внимание к внутреннему миру героини, выявление трагических сложностей в ее переживаниях, подчеркивание иррациональных, глубинных импульсов в поступках Гуськова – это и есть одна из форм реализации экзистенциального подхода к пониманию и изображению личности, оказавшейся в экстремальной ситуации, в самоизоляции и отрешенности от мира.

Подводя итог анализу данного произведения Распутина, нельзя не сказать, что оно заставляет еще раз задуматься о месте и значении трагической тональности в русской литературе XX века, о причинах и предпосылках этого явления, а также о многообразии трагических ситуаций и участвующих в них героев, об экзистенциальных аспектах в жизни и сознании людей, оказавшихся причастными к судьбам трагического двадцатого века.

ЛИТЕРАТУРА

- Астафьев В., 1978, Вглядываясь вглубь // *Роман-газета*. № 7.
Залыгин С., 1991, *Повести Валентина Распутина* // Залыгин С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. Москва. – 446 с.
Каминский П. П., 2013, *Время и бремя тревог. Публицистика Валентина Распутина*. Москва. – 240 с.
Кузнецов Ф., 1987, Народное и патриархальное // *Самая кровная связь*. Москва. – С. 133–141.

- Нефагина Г. Л., 2012, Категория свободы в повестях В. Распутина и В. Быкова // *Творчество В. Г. Распутина в социокультурном и эстетическом контексте эпохи*. Москва. – С. 164–176.
- Овчаренко А. И., 1977, *Новые герои – новые пути*. Москва. 480 с.
- Панкеев И. А., 1990, *Валентин Распутин: По страницам произведений*. Москва. – 144 с.
- Распутин В. Г., 1977а, *Передо мной оживают картины* // *Советская культура*. 23 декабря.
- Распутин В., 1977б, *Очищение человека* // *Неделя*. 11 сентября.
- Распутин В. Г., 1978, *Живи и помни* // *Распутин В. Повести*. Москва.
- Семенова Г. С., 1987, *Валентин Распутин*. Москва. – 176 с.
- Хализев В. Е., 2009, *Теория литературы*. Москва. – 432 с.
- Чжи Цзыцзянь. *Газета «Хэйлунцзян Жибао» он лайн* [Электрон. ресурс]. [дата обращения: 23.03.2014] URL: http://www.hljnews.cn/fouxw_wu/2007-11/09/content_440630.htm [перевод Чжан Цзянхуа. Книжное обозрение // *Книги в Китае*. 2010. 20 октября].
- Чжан Цзянхуа, 2012, *Распутин глазами китайских читателей* // *Время и творчество Валентина Распутина: Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Валентина Григорьевича Распутина*. Иркутск. – С. 547–553.

The Problem of the Tragic in V. Rasputin's Story "Live and Remember"

Abstract. The article analyses the tragic of the story *Live and Remember* by V. Rasputin. The article starts with the description of the reception of the creative works of V. Rasputin in China. Moving to the closer analysis of *Live and Remember*, the author concentrates attention on the internal condition of the two main heroes – Andrei Gus'kov and Nastena, and analyses the tragic situation in which they appear in the novel. The author concludes that V. Rasputin discovered new aspects of the tragic situation typical for the 20th century: he described a new type of person that is unusual for the Soviet literature, and implemented the so-called existential approach. In extreme conditions, the difference of main characters is vividly expressed, but only one of them, Nastena, presents herself as a true tragic heroin.

Keywords: *V. Rasputin, tragic, existentialism, psychology.*

REFERENCES

- Astaŕev V., 1978, *Vgljadyvajas' vglub'* // *Roman-gazeta*. No. 7.
- Zalygin S., 1991, *Povesti Valentina Rasputina* // *Zalygin S. Sobr. soch.: v 6 t.* Vol. 6. Moskva. – P. 446.
- Kaminskij P. P., 2013, *Vremja i bremja trevog. Publitsistika Valentina Rasputina*. Moskva. – P. 240.

- Kuznetsov F., 1987, Narodnoe i patriarhal'noe // *Samaja krovnojaja svjaz'*. Moskva. – P. 133–141.
- Nefagina G. L., 2012, Kategorija svobody v povestjah V. Rasputina i V. Bykova // *Tvorcestvo V. G. Rasputina v sotsiokul'turnom i `esteticheskom kontekste `epohi*. Moskva. – P. 164–176.
- Ovcharenko A. I., 1977, Novye geroi – novye puti. Moskva. – P. 480.
- Pankeev I. A., 1990, *Valentin Rasputin: Po stranitsam proizvedenij*. Moskva, – P. 144.
- Rasputin V. G., 1977a, Peredo mnoj ozhivajut kartiny // *Sovetskaja kul'tura*. 23 dekabnja.
- Rasputin V., 1977b, Ochischenie cheloveka // *Nedelja*. 11 sentjabrja.
- Rasputin V. G., 1978, Zhivi i pomni // *Rasputin V. Povesti*. Moskva.
- Semenova G. S., 1987, *Valentin Rasputin*. Moskva. – P. 176.
- Halizev V. E., 2009, *Teorija literatury*. Moskva. – P. 432.
- Chzhi Tszjtszjan'. *Gazeta "H`ejluntszjan Zhibao" on lajn* [Elektron. resurs]. [data obraschenija: 23.03.2014] URL: http://www.hljnews.cn/foxw_wy/2007-11/09/content_440630.htm [perevod Chzhan Tszjanhua. Knizhnoe obozrenie // *Knigi v Kitae*. 2010. 20 oktjabrja].
- Chzhan Tszjanhua, 2012, Rasputin glazami kitajskih chitatelej // *Vremja i tvorcestvo Valentina Rasputina: Mezhdunar. nauch. konf., posvojasch. 75-letiju so dnja rozhdenija Valentina Grigor'evicha Rasputina*. Irkutsk. – P. 547–553.